

ВАЛЕНТИНА ТАЛЫЗИНА:

Куражера-2000.-17-23 авг.-с.9

У войны женское лицо

Есть актрисы, которым звание "народная" присваивает зритель, и оно приходит к ним гораздо раньше, чем официальная бумага. Актриса Театра им. Моссовета, народная артистка России Валентина ТАЛЫЗИНА — одна из них. Возможно, именно поэтому сегодняшние зрители видят в ее Мамаше Кураж не маркитантку на поле боя, а женщину на кровавой и бесчеловечной войне.

— Роль Мамаша Кураж по праву принадлежит мировому репертуару. Вы за нее боролись, или это подарок судьбы?

— В этой истории нет ничего романтического. В последнее время у меня не было новых ролей в театре. И Павел Осипович Хомский постоянно предлагал мне самые разные названия, а я постоянно отказывалась. Наконец он не выдержал и спросил, что бы я хотела сыграть. Вопрос застал меня врасплох, и я, поддавшись настроению, не очень задумываясь, ответила: Гурмыжскую в "Лесе" и Кураж в "Мамаше Кураж...". Хомского мои идеи не вдохновили. Но для меня выбранные пьесы значимы. Драматургию Островского я обожаю и считаю, что сегодня этот драматург необыкновенно актуален. А Брехт возник откуда-то из подсознания. Дело в том, что многие мои знакомые в последнее время упоминали "Мамашу Кураж..." и говорили, что хорошо бы мне сыграть эту роль.

Прошло много времени, прежде чем Хомский вызвал меня и сообщил, что мы начинаем работать над этой пьесой. Я растерялась, села перечитывать и пришла в ужас. И тема не из веселых, и назидательности хоть отбавляй, и многие выражения устарели. Но отступать было некуда. Хомский пригласил Сергея Коковкина, который взялся за сценическую композицию для нашего театра. Исчезли длинноты, диалоги стали более живыми, и вот сейчас спектакль обрел ту форму, к которой мы стремились изначально.

— Валентина Илларионовна, в процессе работы над спектаклем вы определили для себя, что за человек ваша Кураж?

— Она прежде всего женщина, в обстоятельствах войны обязанная накормить и напоить тех, кто нуждается в хлебе и воде. Да, сейчас она маркитантка, но по своей сути она не торговка. Торговать ее научила война. Для меня Кураж — спасатель. Да, она берет деньги, но ведь ей надо выжить, а не нажиться на кровавой бойне. В этом мы с Брехтом несколько расходимся. Торгашество для меня в Кураж совсем не главное. Она ведь только от ужаса стала торговаться, из-за сына, а не от корысти. И мне хотелось это показать. Много ли она приобрела на этой войне? Ничего. Так что мы Кураж не осуждали.

Меня потряс один сюжет о войне в Чечне, который я увидела по телевизору. Ужасно, когда наши русские женщины в глубинных российских городах встречают гробы своих сыновей и мужей. Ужасно, когда гибнут мирные жители, но потрясла меня одна чеченка. Сюжет был крохотный. За спиной у чеченки виднелся разрушенный дом, только что закончилась бомбежка. Все

в руинах. В поселок вошли наши войска, а в глазах у этой немолодой женщины застыл ужас. Что-то сдвинулось в ее сознании, и она на камеру кричала как на автомат: "Стреляйте, я вас не боюсь". И все кричала, кричала, кричала! Вот оно, лицо сегодняшней войны. Это лицо женщины, а не мужчины.

В процессе работы у актеров — очень хороших, просто хороших, опытных, менее опытных, молодых и маститых — проявилось чувство, или, лучше сказать, какая-то подспудная боль. Не хочу говорить "гражданское чувство" (слишком затертое понятие), скорее, гражданская струна, то есть боль войны. Мы начинали репетировать и говорили друг другу, что вот у этого артиста есть эта самая гражданская струна, а вот у этого ее нет. И поэт он прекрасно, и старается изо всех сил, ну все у него замечательно, а вот этой самой "раны" нет! А без "раны" все разваливается, все пресно, все неинтересно. И ансамбль на сцене не складывается. Мы все вместе должны тянуть одну ляльку. Просто подыгрывать в "Кураж" нельзя. Должна быть общая заинтересованность в том, ради чего мы поставили этот безрадостный спектакль.

— К вопросу о безрадостности. Вас не пугала мысль, что зрители, которые каждый день видят на экранах телевизоров ужасы войны, не захотят идти в театр на спектакль, который буквально задавит их мрачной философией узаконненного убийства?

— Еще как пугала! Мне и сейчас перед каждым спектаклем кажется, что многие размышляют: "Ну зачем я пойду в театр смотреть войну, когда можно пойти на другой спектакль и повеселиться, посмеяться от души". Но страшная вещь! Совсем недавно я пошла посмотреть один легкий по жанру спектакль и поразились своим ощущениям. Я человек мягкий и восприимчивый, но внутри у меня все кипело от возмущения. Вроде бы и смешно, и я понимаю, что вызвать смех у зрителей — дело не слишком-то легкое. Но мне казалось, что сейчас это сделать легче, чем держать внимание зала, рассказывая о войне и показывая войну.

— Вы впервые так много поете в драматическом спектакле. Как вы себя чувствуете в роли певички?

— Пение — это особая статья! Я пела в кино, на телевидении, но вот чтобы так, в ритме спектакля, наравне со всеми, это действительно впервые. Боялась ужасно, потому что в момент эстрадного исполнения песни у меня сразу же обнаруживаются все болезни певички. Я чувствую, что не в голосе, что в горле першит, что выступать не могу. У меня даже был такой случай. Меня

пригласили в Прибалтику на запись к Раймонду Паулсу и на два концерта — почитать стихи и прозу. В фильме "Долгая дорога в дюнах" я озвучивала Озолиню и должна была спеть колыбельную песню. Записывал сам маэстро, с хором. Я как все это увидела, так почувствовала — все, ничего не спую. Меня и уговаривали, и предлагали то чай, то кофе, то коньяк. Все что угодно! Наконец свершилось. Не помню как, но от великого страха я спела. А через пару часов все мои болезни певички как рукой сняло — отбарабанила два сольника как драматическая актриса. В "Мамаше..." я схирировала и стала петь ближе к речитативу. А потом и все наши артисты уловили оригинальность этого дела в драматическом спектакле и перешли на речитатив. Павел Осипович терпеливо ждал, пока я преодолю свои страхи. Я ему благодарна. Артист должен или верить и работать с режиссером, или не верить и не работать.

— Вы не отказываетесь работать в антрепризе. Как вы к ней относитесь: как к искусству или как к способу заработать деньги?

— Начну издали. Одним из первых спектаклей, который я считаю антрепризным, был спектакль Андрея Житинкина "Внезапно прошлым летом" по пьесе Теннесси Уильямса. Мы его играли на Малой сцене Театра Моссовета. Спектакль был серьезный, очень интересный. Я играла в нем американскую миллионершу, мать погибшего поэта Себастьяна. Для себя я определила тему так: противоборство творчества и жизни, хотя все намного сложнее. Отличные костюмы Андрея Шарова, завораживающая сценография, непривычный материал, и люди с удовольствием ходили на "Внезапно прошлым летом", а актеры получали радость от игры. Потом меня пригласил Роман Виктюк в спектакль "Бабочки, бабочки". Но там что-то произошло. Виктюк, как мне показалось, во мне разочаровался. И разочаровался не в плане творческом, а скорее всего, в коммерческом. Спектакль не пошел. Мне было обидно, и в глубине души мне хотелось доказать ему обратное. Это удалось. Совершенно случайно Виктор Мережко дал мне пьесу, и я показала ее Андрею Житинкину. Он сказал, что это не его тема, но он никогда не отказывает актерам. Мы стали репетировать, пригласили Бориса Щербакова. Он тоже не сразу согласился. Но теперь мы сыграли "Двое с большой дороги" уже сто двадцать раз. Я этот спектакль очень люблю, потому что он про нашу жизнь, про людей трудной судьбы. Два вора встречаются в квартире, которую хотят ограбить. И начинается схватка не на жизнь, а на смерть. Они разыгрывают друг друга, обманывают, ненавидят, жалуют и, наконец, в финале понимают, что не могут жить друг без друга. После каждого спектакля к нам подходят зрители, делятся впечатлениями. Всегда полный зал. Конечно, это заслуга Житинкина, который из простенькой мелодрамы

сделал удивительно стильный по форме и очень душевный по содержанию спектакль. Он раскрыл во мне и в Боре грани, о которых мы даже не догадывались. Я думаю, это было довольно сложно, ведь мы работаем в театре не первый год. Мы показывали "Двое с большой дороги" и в Израиле, и в Америке, и в Австралии, и в Новой Зеландии. Везде принимают тепло.

Я это все к чему говорю: дело не в том, как называется спектакль, кому принадлежит и сколько денег платят, а в том, как актеры и режиссер относятся к тому, что делают на сцене. Халтура есть везде, и в стационарном театре, и в антрепризе. Мне все равно, где сделан хороший спектакль, главное, чтобы это был спектакль!

— Вас не пугает беспредел журналистов, которые могут позволить себе говорить что угодно, как угодно, не стесняясь в выражениях и оценках?

— Временами я прихожу в ужас, особенно когда мне звонят и предлагают принять участие в программе или дать интервью. Я ведь человек старой закалки и хочу поговорить о спектакле, а мне отвечают, что о театре вообще не надо упоминать. Хорошо бы поговорить о жизни. Два дня назад позвонили с телевидения. Они там начинают какую-то новую передачу и предлагают мне ответить на несколько вопросов. Я, естественно, поинтересовалась, что за вопросы. Отвечают: "Для вас вопрос, как сделать скандал?" Я растерялась:

— Откуда я знаю? И почему мне?

— А вы в кино много скандалите.

— Ну так ведь то в кино.

— А... Значит, вам этот вопрос не подходит... Тогда другой. Как поведет себя мать, если девушка сына забеременеет?

— Ну на этот вопрос я, может быть, отвечу.

— А у вас дети есть?

— Дочь.

— Тогда вы нам не подходите.

Вот такие содержательные диалоги веду постоянно!

— Есть ли у вас сейчас возможность делать концертные программы?

— Я никогда не отказываюсь выступать. Приглашают в Дом актера, в библиотеки, в музеи. Совсем недавно ездила в Благовещенск, и мы со Светой Крюковой на День пограничника объехали четыре заставы. Чаще всего читаю поэтов Серебряного века. А на праздник Славянской письменности меня приглашают уже в четвертый раз. В этом году я читала Гоголя, а в прошлом великолепную прозу Ивана Ильина "Русская душа".

— У вас есть мечта?

— Хочу сыграть в "Лесе" Островского. В этой пьесе вся наша сегодняшняя жизнь как на ладони: несчастные трагикомы, бедная девочка, обезумевшая барыня с молодым проходивцем, бешеные деньги... Смешно и трагично, все живое, современное, с болью и с надеждой.

Беседу вела
Жанна ФИЛАТОВА